

Зинаида Новлянская

Ночной костёр

2012

Несколько слов о поэте

Имя Зинаиды Николаевны Новлянской хорошо знакомо зрителям телепередачи « Тем временем », куда её приглашают для участия в дискуссиях по различным проблемам педагогики искусства. Специалистам она известна как психолог, занимающийся проблемой литературно-художественного развития школьников, и один из авторов замечательной программы по литературному образованию. Кто-то из нынешних двадцати-тридцатилетних в детстве с увлечением читал её сказку « Про Зюку и Казюку»(1993,2001).

Существует, однако, некое сообщество, для которого в этой многогранной личности наиболее значим поэт Зинаида Новлянская – автор сборников «Дерево корней»(1990), «Занятия лирикой»(1994), «Занятия лирикой. Вторая тетрадь»(1998). И вот новая книга, «Ночной костёр», – по сути дела, «избранное», позволяющее получить наиболее полное представление о поэте. Оно, как известно, неотделимо от образа его лирического героя – человека, внутренний мир которого определяется выношенной им системой жизненных ценностей. Для героини З.Новлянской смысл этих ценностей связан, с одной стороны, с «земным» кругом переживаний жены, матери, хозяйки дома; а с другой – острым ощущением жизни как непостижимой и грозной тайны. Поэтому в её поэзию на равных входят и насущные «овсянка и творог», и «остов фонаря», превращённый инеем в сверкающую драгоценность, и «чёрный омут» любви, в который тянет порой броситься из её «золотых просторов».

Необходимым для воплощения этих переживаний материалом, становится как классический стих, так и лексика, интонации, синтаксис живой, подчас разговорной, речи. Их «встреча» приводит к появлению произведений, отмеченных многослойностью смысла, тонкостью ритмико-мелодического рисунка, своеобразием поэтических форм.

Думается, что появление «Ночного костра» не только станет радостным событием для тех, кто хорошо знаком с лирикой Зинаиды

Новлянской, но и привлечёт к ней внимание новых, ценящих настоящую поэзию читателей.

А. Гуткина

Разливы

* * *

На берегу отравленной реки,
На той земле, где торопилось детство,
Я нынче соберу его наследство –
Осколочки, обрывки, черепки.
Здесь девочка закапывала клад
В глухом углу, за дровяным сараем
И думала: «Я завтра доиграю!»
Не доиграла. Кто же виноват?
Она тогда не знала, что растёт
На улице, где созревают рано...
...Она ещё идёт среди бурьяна
И всё своё пока в себе несёт.

Начало весны

Что было в самом начале?
...Сосульки вкус на губах,
Да врозь рукава торчали
Промёрзших больших рубах,

Да простыни на верёвке
Вставали, снега грубей,
Скакал с воровской сноровкой
Да крошек ждал воробей.

Не крошки – капли летели,
Срывались с озябших рук,
И в маленьком детском теле
Весь мир помещался вдруг –

Оттаявший на припёке
И вновь остеклённый в тени,
Гремучие водостоки,
Нещадно светлые дни...

И чтобы в жизни ни вышло –
Пребудет в ней до конца
Мой вкус капели и крыши,
Февральского леденца.

Три воспоминания

Первое

Бант стрекозиный, цыплячьи лопатки...
Сколько мне лет? Я живу без оглядки.
Сколько мне вёсен? По этой поре
Сушат подушки у нас во дворе.
Вешают шубы, трясут одеяла.
На табуретках лежат как попало
Валенки, муфты, ушанки, платки –
Всё, что годами таят сундуки.
В доме четырнадцать и восемнадцать
Не запираются и не бранятся –
Вышли на волю, под солнце, под смех.
Всем хорошо. Только нам – лучше всех.
Можно кричать, хохотать и рядиться –
Стать партизаном. Медведем. Царицей!
С ног повалиться! И тысячу раз
Прыгать на чей-то отживший матрац.
Мы несравненны. Мы соизмеримы
Разве что с пёрышком тяжкой перины –
Вон на невидимом нам сквозняке
Вверх поднимаясь, летит налегке,
Каждым движением и трепыханьем
Чувствуя чьё-то большое дыханье.

Второе

Сосновые чистые сходни.
Мы молоды и несмелы.
У этого дня и сегодня
И привкус, и запах смолы.
...Вдоль тропки, шипами грозя,
Репейники. Как не задеть их?
...Тревожно одно: мы не дети,
Нам за руки браться нельзя.
И сохло во рту, и знобило,
И клювом стучало в висок...
А счастьем, наверное, было –
Не знать, что от этих часов

Останется тень беспокойства
Да кольца смолистого пня...
У памяти странное свойство –
Выхватывать и укрупнять.

Третье

Мы живём с комарьём в поединке
В неприветливом тусклом леске.
В синем море – ни капельки синьки,
Ни желтиночки в бледном песке.
Всех чудес – то звезда, то медуза,
Всех приправ – или соль, или йод,
Но моя среднерусская Муза
Изумляться не перестаёт.
Это небо твердит о закате.
(Может, близко мои рубежи?)
Это море, как счастье, накатит,
Но, когда отступает – держись:
Камни голы, а чайки крикливы,
Кости бывших деревьев белы...
Как нам трудно дождаться прилива!
Как велики мы и малы!

Школьница

В лодке с этой школьницей, яростной и радостной.
А с утра – экзамены, а время – обалдеть!
А звёзды так и сыплются в дыры сетки градусной –
В небе – только крупные. Мелочь – на воде.

Кабинет ботаники. Там переставляется
Разбитной, уживчивый, комнатный скелет.
Смерть? Пространство? Вечность? – смутно представляется,
Что когда-то стукнет сразу двадцать лет.

Но уже – бродяжьем, таборным, палаточным
Так сдавило душу – отчий дом не мил!
...До осенней форточки, до последней ласточки,
По звезду, по маковку – весь загадан мир!

Пусть теперь всё сбудется – пусть потом заплатится:
Ведь нелепо у морей ждать ещё погод!
...Лодка. Тёплый вечер. За него закатится,
Круглый и упругий, волейбольный год.

Крыша

Мир – жильё дармовое.
Намечается крыша,
Где аукались двое,
Где столкнулись, охрипши.
И – ни разу, что милый,
И к плечу не припала –
Просто печка дымила,
Да в горле щипало.
И – ни разу, что нужен –
Просто вздрагивал чайник,
Просто близился ужин
По-птичьему случайный.
Шло впритык листовое
Время, дыры покрывши...
Просто встретились двое.
И наметилось свыше.

Лефортовские фрагменты

Первый

Вот и Лефортово ушло.
(Проклятье. Колыбель. Помеха.)
Ликуй и повторяй со смехом:
«Ку-ку, Лефортово! Ушло?»
Но иногда – вон-вон стоит,
Стоит в окне и трудно дышит,
И занавескою колышет,
И правды больше не таит.
... Роятся новые дома.
Сарай сгорел! Барак разрушен!
Но разбрелась по нашим душам
Халуп и подворотен тьма.
Здесь мало знают о себе,
Здесь много пьют и часто плачут.
Здесь о несчастиях судачат
И не противятся судьбе.
Здесь бьют наотмашь по лицу.
И, верно, корчевать напрасно
Ту зависть к парку и дворцу,
То чувство грубого контраста.
Умри и заново родись –
На перекрестках жизни длинной.
Стоит Лефортово с повинной...
Что с ним поделаться?

Второй

– Быть Вашим гидом? – Лестно!
Лефортово в ночи?
– Занятно! Но – почти
Печальная известность...
...Мы медленно бредём
Столетиями столицы,
И чиркают зарницы,
И дело – за дождём.
...Дым заводской. Пыльца.
Связь липы и бензина.
Тяжёлый сон дворца

Времён Екатерины.
Участие казарм
В ночном теплообмене.
Сомнительный бальзам
Минутных откровений.
...Быть Вашим гидом лестно.
Лефортово в ночи
Страшно. Все кирпичи
По-летнему телесны.
...Мгновенье мы умны –
От выдоха до вдоха.
Мой Бог, ну чем же плохо,
Что улицы темны?
И кто нам смотрит вслед?
И что сейчас догонит?
...След вспышки меж ладоней –
Дымок от сигарет....
–Что? Чувства? – Нет! Мерси!
...Корявый остов спички...
Уж лучше на Синичке
Проститься у такси.

* * *

Атласные коровы
Сырую траву ели...
Мы жили, как хотели –
Без хлеба и без крова.
Но чуткое молчанье
За ручку нас водило.
Молочное мычанье
Нас по утрам будило.
С былым союз расторгнув,
Отвергнув спуск ружейный,
Жизнь так была просторна –
До головокруженья.
...Сад, обступивший дачу,
Весь осенью изжеван...
К лицу ли нам удача? –
Она с плеча чужого.
Пусть всё идёт, как надо,
Но издали – укором –
Вслед за подножным кормом
Кочующее стадо.
Выходит, это плохо –
Свой дом, свой хлеб, свой угол?
...Звезда чертополоха
Над выеденным лугом.

Стирка

Пока стонала дверь,
И охали ступени,
И ветер нёс корабль
Без парусов и рей –
Я прожила полдня
По локоть в мыльной пене,
В соседстве пузырей.
Пока морская смерть
Сквозь дерево сипела,
И созерцал наган
Пульсацию виска, –
Про весь огромный мир
Насплетничать успела
Стиральная доска.
Пока глотали соль
И на канатах висли,
И боль была остра,
Как абордажный крюк, –
Мне обходилось всё
Незанятостью мысли
И занятостью рук.
Покуда кораблём
Командовать не вправе,
Пока доверья нет
Причальному колу, –
Неловко будет жить...
...Как волосы поправить,
Приставшие ко лбу.

Сигулда

Мы можем быть ровны и неровны,
И в сердце, и в уме носить покой...
Но – Сигулда – ущельный срыв равнины,
Не выдержавшей ровности такой!
С льняной, суровой ниткою в основе
От горя откупаются строкой...
Но – Сигулда в Прибалтике сосновой,
Не выдержавшей хвойности такой!
Здесь, где до дна обнажены глубины,
Ключ ненароком в воду оброню...
Но – Сигулда – вся! – трепет голубиный
Сквозь рыцарскую ржавую бороню.

* * *

Мы так молчим, что говорить могли бы
Двумя словами: «сжался» и «прости».
Мы солоны, как вяленые рыбы, –
Сквозь чешую, сквозь сердце, до кости.
От чуда, от пристрастья, от пожара
Освободились, точно от оков –
Неловкостью, продёрнутой под жабры,
Параличом застылых плавников.
...А нас всё ищут, всё тревожат глыбы,
Всё думают: мы держим взаперти
Свои слова, которые смогли бы –
Сквозь чешую, сквозь сердце, до кости.

Из цикла «Смерть учителя»

1.
Когда все фонари
Слезятся, поотстав,
Отвергнута земля
И даль идёт на убыль,
Когда своих костей
Не бережёт состав –
Что может против нас
Заборчик редкозубый!
Всей дрожью поездов
Дрожал фруктовый сад,
Звенели стёкла в лад
Колёсным перестукам...
...Дом вечно провожал,
Подолгу ждал назад
И припадал к земле
Крылечком – ухом – слухом...
...Дом столько знал гостей,
Сомнений и стихов.
Дом столько ждал вестей –
Вмести, почтовый ящик!
Хозяин доживал
До поздних петухов,
До скрипа на крыльце,
До топота входящих...
Хозяин доживал
До зимних леденцов,
До белой глухоты,
До снежных эполетов...
...До новых мудрецов...
...До новых подлецов...
...До новых мастеров...
...До нового поэта!

2.
Ночь реликтовых мрущих растений,
Или времени рельсовый стык?
Или просто все звуки, все тени
Неотчётливы и густы?

Срок тревог истечёт на рассвете,
А пока нам узнать не дано,
Почему запыхавшийся ветер
Выбрал именно наше окно.
Может, наш результат не засчитан?
Снова – стартовая черта?
Может, больше для нас не защита –
Наша молодость и нищета?
И не вам ли, гордец и искатель,
В знак того, что идти под уклон,
Чёрной смесью из веток и капель
Наотрез залепило стекло?
– Ваша порция бед! Получите!
Распишитесь. Доставка – не в счёт...
...На рассвете остынет учитель.
Срок ученья с утра истечёт

3.

Ни – травли. Ни – крушенья. Ни – свинца.
Несовременна? Буднична? Легка?
...Высокий подбородок мертвеца
Надменно вскинут к жилам потолка.
До – встречи. До – надежды впереди.
(Чей вспыхнет свет? В каком другом окне?)
...Обкуренные пальцы на груди,
На праздничном неношеном сукне.
...Зачем мы здесь? О, Господи, зачем?
...Горюем? ...Врём? ...Заглядываем за?
...Нездешний дух призябших хризантем
Да траурная хвойная слеза.

4.

Над полустанком, осенью объятom,
Отдельная сиротская звезда.
Бесцельная, напрасная езда –
Пустое место пусто! И – не свято.
...От пения гомеровских сирен
До рассказней о странном старикане,
Увядший хлеб и чёрствая сирень,
До октября застрявшая в стакане
В пустом доме, на гулком холоду...
Зачем же я опять туда иду?

5.

На кладбище,
Где снегу много,
Где вьюга застит белый свет,
Где так неловко ставить ногу
В чужой, давно простывший след –
На кладбище с январским ветром
Кустарники переплелись...
...Ученики по новым мэтрам
Благоговеть поразбредились.
Тот – оробел. Иные – блещут,
Как у живых заведено...
И ржавые венки скрежещут,
И глубоко лежит зерно,
И долго ждать, пока растает
Сугробов аккуратный ряд.
...На зимнем кладбище не ставят
Ни памятников, ни оград.

6.

Пока вожак летает –
И порознь мы не одни.
Пока вожак блистают –
Простительно быть в тени.
Простительно – слыть одержимым,
Горланить, лезть напролом.
Пока наставники живы –
Мы вроде бы под крылом.
Простительно – на пороге
Замешкаться до весны...
Пока наставники строги
Всё спрашивается с них.

* * *

Мы – не ранимы. Мы – грубы.
(Не обдерут, не обворуют!)
Чего ты хочешь от судьбы,
Которую и так даруют?

...В толкучке дел, людей, имён
Заметить слабое свечение,
Включиться в тесный круг времён
И угадать своё значенье.
Упущенное – наверстать.
(Ведь завтра – день, и он не начат!)
Не в силах БЫТЬ, мы в силах СТАТЬ,
А жизнь почувствовать иначе.

Плач по маме

А-ах, как сухо, сухо, сухо на земле!

Тучи выплакали весь дождь.
Над болотами – горький чад.
Кузнецы по вискам стучат –
Не вернёшь. Не вернёшь. Не вернёшь.

А-ах, как сухо, сухо, сухо на земле!

Больно, трудно и горячо.
Потерпи, потерпи ещё!
Я тебя проведу сквозь гарь –
Ухватись за моё плечо.
Я же стала совсем другой –
Откровеннее и верней.
Удержись перед той чертой!
Не скрывайся навек за ней!

А-ах, как сухо, сухо, сухо на земле!

Поздней птахой, звездой, луной
Навести свой холодный дом.
Три тоски прядут по углам,
А в четвёртом скулит беда.
Паутину крылом порви!
Посвети ещё! Поживи!

А-ах, как сухо, сухо, сухо на земле!

* * *

Опять эти трудные мысли
Под дождь, под дрожанье нутра...
Ушастые листья повисли
И серьги теряют с утра.

У липы приглядка соседки –
В биографы бы её!
Опять вездесущие ветки
В окошко суются моё.

...Так чувствовать свежесть надлома!
Так чуют, что время летит!
В сырой неуютности дома
Для сердца угла не найти.

...Решиться. Бесповоротно.
И вдруг угадать среди дня,
Что жизни вернулась охота
Всё знать, всё решать за меня.

* * *

Не забывчивы, но живучи
И не верим в плохой исход.
...Острой галочкой чайки в тучах
Отмечается наш приход.
Так давно тебя не рождали
Солнце, небо, земля, вода!
Так давно тебя ожидали!
Так устала твоя звезда!
...В этом мире, где всё – навеки,
Где расчетлив и скуп расход,
Голым прочерком зимней ветки
Отмечается твой уход.

* * *

Снег с дождём... Сочетание слов,
Обещание сводки прогноза –
Вместо инея, вместо мороза,
Вместо белых несбывшихся снов.

Меж снежинок дождевки снуют,
Лужи толстые, серая каша...
Им к лицу неслияние наше,
Этот внутренний наш неуют.

Что ж, последнюю чурку зажжём
Там, внутри нашей общей печали...
А на завтра опять обещали –
Снег с дождём. Снег с дождём.
Снег с дождём.

Разливы

На разливы – не сетуй
Берегами, дверьми.
Щедрость бедную эту
За разгул не прими.
Просто вдруг отхрустела
Шкурка прошлого льда.
Просто вновь захотела
Стать водою вода.
Удивлять чему тут?
Кто живёт, тот поймёт,
Что в любую минуту
Открывается год,
Что всерьёз, без истерик
Мир – линяющий зверь,
Забывает, где берег,
Обрывает, где дверь.
Бедность щедрую эту
За разбой не прими –
На разливы не сетуй,
Если мир за дверьми.

Светлый год

* * *

Снега теряют силу в феврале,
Хотя ещё обычны снегопады,
Хотя метёт всё яростней и злей –
Снега уже самим себе не рады.

Снега стареют. Жёсткие хребты
Под острым ветром подняли сугробы.
Снега полны предчувствием хворобы
И мартовской последней маяты.

О, если бы хоть время миновать! –
Решить и сразу обратиться в воду...
Но есть на свете правила ухода,
И не снегам об этом забывать.

Светлый год

1.

Но в ангелы к тебе я не могла –
Вполне хватало мне своих печалей.
Не билось за упрямыми плечами
Ни тени, ни подобия крыла.
И никого я в жизни не спасла,
И не умела быть за мир в ответе...
Но так порой случается на свете –
Шёл светлый год, и я была светла.
Шел светлый год. На все его дела
Копилась злоба, стягивались тучи.
А я была, как пар у рта, летуча
И в ангелы, конечно, не могла.

2. Весна

Твоя буква заглавная
Не ясна, не видна.
Но – сквозная и явная –
Проступает весна.
Ты другая, ты лучшая,
Чем вчера, чем всегда.
И походка летучая
У тебя на года.
Ждёшь свиданья и поезда,
Настежь – весь белый свет...
И ни капли не боязно,
Что заглавия нет.

3. Лето

Всё зелёное – в переплавке!
Печь плавильная раскалена.
Не завидуй цветку и травке –
Скоро все опалит она.
Печь плавильная раскалена.
Кто отважится? Кто напомним
Форму яблока и зерна?
Кто её до краёв наполнит?
Разум – ясен. Рука – верна.
И рабочий огонь – стреножен.

Торопись, но будь осторожен –
Печь плавильная раскалена.

4. Осень

Летящие листья,
Свистящие крылья...
На то, чтобы вспомнить,
Не нужно усилья.
Но дай Бог мне силы
В день правды и платы
На то, чтобы вспомнить
И не заплакать.

5. Зима

Зима близко к сердцу не примет
И вряд ли возьмётся судить:
Что минуло, что ещё минет,
Положено ей остудить.
Зима ничего не исправит.
Но то, что болит и горит,
В резную оправу оправит
И щедро посеребрит.

Грустное очарование вещей

* * *

До торжества той капли малой,
После которой – через край,
Лицо воды рвалось, дрожало
И искажалось много раз.
Но неподвижен был сарай
И жёлоб над замшелой бочкой...
Из всхлипов или многоточий
Капели о дожде рассказ?

* * *

Садовая скамья под грушей
Освобождается от краски.
Из-под коросты проступает
Узор волокон и сучков.
Скамья стоит под нежным небом
Над озером в зелёной ряске.
Садовник ищет кисть в сарае
Средь ящиков и пауков.

* * *

Когда холодная заря
Дохнет в невидимые стёкла,
И обозначится граница
Меж тёплой комнатой и садом,
Где ночь затеяна не зря,
Хотя тянулась, зябла, мокла,
Тогда тебе так сладко спится,
Что ничего скрывать не надо.

* * *

Лунный огромный шар
В мокром ночном саду.
Сквозь жимолость и лебеду
Старый ёж прошуршал.
Ему в ночи хорошо...
Малая тайна в большой.

* * *

Ломкая жимолость —
Тонкая кость,
Девичье, розовое обличье,
Что-то трепещущее и птичье,
Только взлететь
Вот
Не довелось!

* * *

Сухой вершинке каменистой
Низинка лягушачья снится.
Тенистой и сырой низине —
На ветер хочется, под солнце.

И только я хожу ногами,
Стрекоз пугаю и лягушек.
Трещанье крыльев пересохших
Шлепками по воде сменяю.

* * *

Узкий мосточек.
(Завтра? Или вчера?)
Узкий листочек
На мокрой стенке ведра.
Узкий следочек

На гладком крутом песке.
Очерк мгновенный –
Лицо в спокойной реке.

* * *

Вишня вечером перед цветеньем –
Вся в жемчугах
Или в молочных брызгах –
Это кому как нравится,
А ей всё равно.
Лишь бы хватило сил
Завтра бутоны разжать,
Лишь бы не дождь с утра,
Лишь бы солнце,
Ветер
И пчёлы
Ей помогли
Ягоды завязать.

Одуванчик

Когда северный ветер ещё не утих,
Когда мир до корней не прогреет,
Подзаборное лакомство толстых крольчих
Торопясь вылезает на свет.

Оно грубые соки земные сосёт,
Гонит листья, выводит зубцы
И на трубчатых стеблях высоко несёт
Свои будущие венцы.

И как только сломается каверзный май
И пойдёт на последнюю треть –
Тут сияния на год вперёд занимай,
Поспевай понимать и смотреть.

И поверь, наконец, что другие – смогли,
И попробуй однажды посметь
Эту трудную чёрную песню земли
Озарённо и празднично спеть.

День рождения

С.

День начала и спроса
Поднимается в рост,
На хвосте у покоса,
Среди ягод и гроз.
Травам – навзничь валиться,
Косам – жечь горячо,
Но какая-то птица
Не допела ещё.
В предрассветном тумане
Весь звенит её куст...
Встанут дни испытаний –
И на цвет, и на вкус,
На разрыв, на излом...
Но ведь будет и этот –
В самом сердце у лета –
У тепла под крылом.

Серебряный остров

1.

Мы бредим далёким и прежним.
Есть памяти дальний бросок,
Есть остров с названием нежным –
Там озеро, тальник, песок...

Зачем эта память всё шире?
Зачем эта жилка виску?
Да мало ли тальника в мире?
И мало ли в жизни песку?

Такое ли чудное чудо
Заводика малого гуд?
И всё же оттуда, оттуда
Незримые вести бегут.

В различные наши столицы
К нам – занятым, взрослым, чужим –
Какая-то сила стремится,
И мы ей при-над-ле-жим.

И вот не в случайном начале,
Не в прошлом, не – двадцать назад –
Сегодня там лодка отчалит
И ходко пойдёт на закат.

Минует жужжанье завода,
Мелькнёт, средь буксиров скользя...
И вёсла засмотрятся в воду
Такую, что трогать нельзя.

Под небом огромным и пёстрым,
Таким, что сердце не унять –

Всё правильно будет, всё просто,
Не так, как случилось у нас.

2.

В густой траве пропадёшь с головой...
А.Блок

Нет, с головой не пропадёшь.
Но по коленям бьётся смолка,
И птицы спорят без умолку:
Зачем ты к ним? Куда идёшь?

От дел неделю отдохнуть?
Поить-кормить свою причуду?
Начать ещё неясный путь?
Понять, что ты и сам отсюда?

А день – по-летнему велик,
Но для тебя он – длинный прочерк.
А остров, мал и многолик,
По-своему живёт-хлопочет.

И по заросшим берегам
Спускаться к озеру неловко,
И смолки гнут свои головки
К твоей тропе, к твоим ногам.

3.

Весь день бежала мелкая волна –
Серебряная рыбка чешуя.
Потом сияла белая луна
(Охотничья? Русалочья? Ничья?).

...У озера хватает серебра –
Ловите, ешьте, запасайте впрок.
Вдали горит, не тает до утра
Застенчивый рыбачий костерок,

До знобких и серебряных минут,
Когда всё в мире смотрит на восток...
...По сердцу тени-рыбы проскользнут,
По горлу – рыбьим рёбрышком – восторг.

4.

Сегодня озеро больно.
И так ему мешает дно,
Так давит туч тяжёлый кров,
Так режут кромки берегов,
Что, вырываясь из границ,
Оно лицом ложится вниз,
Никак не повернётся,
И пенится, и бьётся.
Вода по берегу стучит,
И голосом чужим кричит,
Шипит и корчит рожи...
И серый остров травяной –
Надёжный, твёрдый, земляной –
Взъерошен и встревожен,
Но озера души больной
Понять никак не может.

5.

...И жила-была одна рыба,
Глаз тараща, плавник топорща...
Не хотела она ловиться
Ни на удочку,
Ни на донку,
Ни на самые блёсткие блёсны.

Не росла она, не жирела,
Ни червей, ни стрекоз не ела –
По Глубокой Воде гуляла,
На закате Солнцем играла,
В Тростниках у снастей стояла –
Хвост топорща, очи тараща –
И не рыбью думала думу:

«Ну, Рыбак, вот и сам попался
В эти самые верные сети –
В это озеро,
В этот остров,
В эти долгие птичьи песни!»

6.

На всём пространстве медленной недели
Росли большие жаркие костры,
Рыбачьи колокольчики звенели,
Толклись береговые комары.

Всё было важно. Сильный ветер к ночи.
Заноза. Хлеб. Кузнечики. Крючки.
Слова рождались проще и короче
И листьями садились на сучки.

Мы б прорасти до лепета сумели –
На правду трав, на глубину корней!
...В медлительном течении недели
Уже струилась наша грусть по ней.

7.

Щучьи пляски на закате,
Красно-чёрные круги.
Остров, остров, может, хватит? –
Для других побереги!

Я и так ходила, пела,
Чистила твоих плотвиц.
Столько земляники съела!
Стольких испугивала птиц!

Я и так уже – до краю.
Вся! – из твоего ребра...
Расплавляюсь... Догораю...
Становлюсь – из серебра.

...Щука бухает поленом
По примолкнувшей воде.
Может, это вроде плена –
Думать о тебе везде?
Может, мне-то и некстати
Помнить о тебе всегда?
...Рыбьи пляски на закате.
Чёрно-красная вода.

Сентябрь

Опять дрозды по яблоням расселись,
На зорях пировать, в листьях шуметь.
Осеннее, холодное веселье –
Когда оно поселится во мне?

Пока в новинку пёстрых листьев россыпь,
Пока цветы последние царят,
Но длинные блистательные росы
До вечера на травах не сгорят.

Но слово позабытое – «отава» –
Вернётся вновь и слух зазеленит,
И вороны надменно и картаво
Свои стихи проголосят в зенит.

И дивная, достойная погода
Сойдёт и увенчает торжество.
Кругом вершится праздник перехода –
Я не умею праздновать его.

Я просто подсмотрела, подглядела,
Как в детстве сквозь соседское стекло.
И, замерев, душа похолодела,
И ей смертельно хочется в тепло.

Ночной костёр

Я не знала, не знаю, узнать не смогу –
Всё уже в полудетской дали –
Кто костёр разложил на другом берегу
На границе воды и земли.

Пламя быстро вошло над ночью травой,
И, как только взвились языки,
Оно бросилось с берега вниз головой
В неподвижность осенней реки.

Но огонь не тонул! Он горел, он порой
Отгонял от воды темноту...
...Может, просто навстречу поднялся второй,
Отвергающий грань и черту?
И срослись два огня, будто час им настал.
...Правда рыбой дремала у дна:
Отражённый огонь, как живой, трепетал,
Но вода в октябре холодна.

Та ночная вода не журча, не звеня
Через жизнь мою молча летит:
И сама не горит, и не гасит огня,
И его отражение чтит.

Песня

Когда всё на свете в полёте, в полёте —
Кто недвижим
Остался?
На высокой-высокой и стонущей ноте
Птичий крик
К нам сорвался.
Я столько прощаю, прощаю, прощаю,
Тебя забывая,
Что неплачущим сердцем нищаю, нищаю,
Как луна,
Убываю —
Становлюсь половиной, подковою, малою частью
В ночи
Осенней...
Не будет уже ни несчастья, ни счастья —
Только их тени.

* * *

От равноденствия до противостоянья
Так ощутимо убывают дни.
И время переходит в расставанье,
А забыванье таянью сродни.
...Не веришь солнцу – запасай дрова.
Как истончилась жухлая трава!
Как наше счастье плоть свою теряет!
Как время ничего не повторяет...
...Вздымает кости облетелый сад –
Весь против времени! Весь повторенье!
Тебе – листа короткое горенье,
Мне – яблоки забытые. Висят!

Черновик

Я плачу об ошибке в чертеже,
О замысле, исполненном небрежно,
Ещё о том, что вот – не стало прежней,
А новую – устала ждать уже.
Где хор рыданий прячется во мне?
В таком коротком дне?
В такой спокойной ночи?
В той женщине, которая хлопчет
Всегда о малом, наспех и вчерне?
Что жизнь живёт так начерно пока,
Как будто ей и набело случится...
Я плачу о строке черновика,
Что пишется и сразу же дымится.

* * *

...Но за ночь лёг внезапный снег...
Ещё не ждали, не просили,
Зима не тратила усилий,
Земля была изумлена.
Но за ночь лёг надёжный снег:
Не пухом, не пером, не ватой –
Горбатый, плотный, комковатый,
Как будто вылез из глубин.
Он привыкал, располагался,
Получше выглядеть старался
И собирался долго жить.
...Ступай по белу, человек!
Не бойся, что твой след случаен.
Тогда на тёмные печали
Вдруг выпадет внезапный снег.

* * *

Нам добрый прошлогодний хлеб жевать,
Дыхание мешать с морозным паром,
Нам после стужи долго оживать
И постигать, что нам даётся даром.

За зиму смёрзшись с коркой ледяной,
К теплу не сразу чувствуешь доверье.
Не потому ли чёрною весной
Всегда смутны неловкие деревья?

Как важно помнить – листья и цветы
Уже в пути, уже тревожат почки,
Чтоб звёзды мёртвой зимней красоты
Могли в душе сгорать поодиночке.

Занятия с детьми

1.

Пока доченька что-то лепечет
И смеётся незнамо чему,
Загадаю на чёт или нечет,
Полуночное сердце уйму.

Пока девочка трудится-ходит,
Признаёт за предметом предмет,
Научусь её нежной свободе
И наткнусь на потерянный свет.

2. Качели

Ай, качели, качели!
Ай, девочка, детка моя!
Норовишь посильней,
Чтобы сердце то пело, то ныло,
Разделив каждый малый
Разреженный миг бытия
На паденье и взлёт
Своей собственной малою силой.
Как победно звучит
Тонкокостая песнь ни о ком!
Новорожденный ветер
Сквозит в очертаньях знакомых.
И нельзя на пути –
В лоб получишь прямым каблуком –
Прямо в лоб каблуком
По закону – закону – закону...
Можно – рядом, впригляд.
И под вечный призыв – «Посильней!»
Видеть риск, и полёт,
И цыплячью пружинку за платьем.
Ткань движенья дрожит.
Пролетим сквозь неё – и за ней
За паденье, за взлёт,
За качели – заплачем... Заплатим!

3. Стихи Елене

Пёстрые тени павлиньи
В чистой песчаной аллейке.
Мёрзну на жёсткой скамейке.
Думаю о Елене.
Между песочниц, качелей
Бегают девочка-струнка.
Тонкий отцовский рисунок
Ожил в отдельном теле.
Господи, а глаза-то! –
Серые, но голубые,
Добрые, злые – любые! –
Нынче мои... А завтра?
Разве от сердца скрою? –
В детском ещё одеянье
Всё существо родное
Клонится к неслянью.
Ранних её секретов
Ненарушима граница.
Скоро ей прочь стремиться –
Спросит ли хоть совета?
Вон, забралась на ступени,
Что-то изображает...
Как эти пёстрые тени
Личико искажают!
Вот она, радость-тревога,
Жизни безжалостной чудо...
Пусть хоть ещё немного
С ней на земле побуду!

4. Неделя

- Мама, давай я буду как будто...
- Давай!
В понедельник он как будто котёнок,
А я как будто кошка.
Во вторник, несмотря на «некогда»,
Надо было лезть в берлогу
Медведице с медвежонком.
В среду у нас выросли черепахи панцири,
Мы ползали, неповоротливые, и за всё задевали.
Даже крокодилицей пришлось побыть (в четверг).

А в пятницу маленький катер и кораблица
Носились по бурному морю.
(Иначе он не хотел купаться!)
И вдруг в субботу:
- Давай ты будешь просто мама, а я – сынок!
- Как будто?
- Да нет, по правде!
...Такой подарок мне к воскресенью!

5. Дудочка

На детской дудочке играю –
Играю, душу отвожу:
Ко звуку звук не подбираю
И за порядком не слежу.

И деревянному обрезку
Свободным выдохом не лгу:
Могу – решительно и резко
И – длинно, жалобно могу!

Могу оставить всю науку
За несравненной чертой –
За чудом извлечения звука
Из чёрной дырочки пустой...

Так вот что значит –
Быть как дети!
Так вот как истина проста –
Играючи прожить на свете,
Не зная нотного листа,

На высоте, на самой-самой
Переплеснуться через край...
Сын говорит: «Не надо, мама!
Не дуй, а музыку играй!»

6.

Самолётик, и лётчик, и мальчик,
И гудит, как мотор, на бегу –
Головастый какой одуванчик –
Малый сын на зелёном лугу!

Сын летает большими кругами,
Я лежу на незрелой траве.

Белый полдень парит над лугами,
Тихо сердцу, легко голове.

Мы порою не видим друг друга,
Но не трогает сердце боязнь –
Средоточье сыновнего круга,
Как бы ни был широк, это – я.

И пока ещё всё понарошку –
И вираж, и мотор, и полёт...
Вот сейчас за кустом, на дорожке
Голова золотая мелькнёт...

...Минет время – и круг разомкнётся,
Сын уйдёт в настоящий полёт,
И ревнивое сердце споткнётся
У дверей его взрослых забот.

Но тогда, среди тёмной тревоги,
В нашей памяти встанет, светясь,
Одуванчик один длинноногий.
Этот луг. Этот день. Эта связь.

7. Отчество

Всё трудно привыкнуть. Всё странно::
Как только Вы входите в класс –
Татьяна Петровна... Как рано,
Как рано по отчеству Вас!
Вихор и спортивные плечи,
Крутой холодок вдоль спины –
И сорок птенцов человеческих
Профессией Вам вручены.
Но юность пока – не в минувшем?
Но мир – ещё праздник для Вас?
Проказница. Татка. Танюша.
Как коротко время проказ!
Из дочек – в такую дорогу,
Она и для мам нелегка.
И вот Вам приходится – строго –
На лучшего озорника.
Вам петь пионерские марши,
Судить, объяснять, укрывать
И тем, кто несчастней и старше,
Благие советы давать.

Вам даже слезой не пролиться,
Уткнувшись в родное плечо –
Супруг Ваш, которому тридцать,
Сыночек и мальчик ещё.
...Дымит сигарета неровно,
Звонок с перемены звонит...
Татьяна Петровна. Петровна!
Пусть отчество Вас сохранит!

8. Красавица

Учительница мается,
Учительница мучается –
Есть в третьем «А» красавица,
Которая не учится.
Которая не учится
И двоек не стесняется,
Со лба откинув волосы,
К соседу обращается
Таким хрустальным голосом!
Учительницу Савину –
Вчерашнюю отличницу –
Она в тупик поставила
Своею нетипичностью:
Не слышит замечания,
Не держит обещания –
Наталия Семёновна
В отчаянии, в отчаянии!
...Но как же всё меняется
Во время послешкольное!
«Вот, – говорит красавица –
Сейчас у нас контрольная!»
И свой народ игрушечный
Рассаживает парами,
И делит меж зверюшками
Свои тетрадки старые,
И громко и пронзительно
Читает по задачнику,
И смотрит выразительно
На куклу-неудачницу,
На самую красивую,
На самую опасную...
И ставит двойку красную
В её тетрадку синюю.

...Наталия Семёновна
Средь умных математиков
Сидит, немножко скованно
И вовсе не внимательно.
Их споры и сомнения
Её едва касаются,
Сквозь скучное смущение
В ней что-то просыпается...
...Наталия Семеновна,
Со лба откинув волосы,
К соседу обращается
Таким хрустальным голосом!

9. Листья

Моя девочка пёстрые листья приносит
И раскладывает на столе.
Запах. Цвет. И вполне осязаема осень.
Время – плакать? Болеть?
Где копилась она? Как росла постепенно?
Где взяла свой устав?
Этой жизни невидимые перемены
Вдруг читаешь с листа.
И в душе шевельнётся ответная сила,
Высветляется грань...
...Моя девочка листья смешала, забыла,
Убежала играть.

Стихи для детей

САМАЯ ХОРОШАЯ ИГРУШКА

У моей игрушки – ножки,
У твоей – колёсики,
У твоей – блестит макушка,
У моей – волосики.
У моей игрушки – хвостик,
У твоей – труба торчит,
И моя – то ржёт, то скачет,
А твоя – пыхтит-кричит.
Ну и что же, что колёса,
И фонарик, и труба!

Нет, не стану я меняться
Ни за что и никогда!

* * *

Лю-лю-лю и Ля-ля-ля
Пели, душу веселя,
Трали-вали танцевали
И на дудочках играли.
Дили-дили в бубен били,
Ай-ай-яя разбудили.
Пробудившись, Ай-ай-ай
Всем устроил нагоняй –
Всех ругал и всех стыдил –
Ой-ой-оя разбудил.
Ой-ой- ой как застонал –
Всё веселье разогнал

ПЕРЕЗВОН

Колокольчик:
-Динь- динь-динь!
Я – один, один, о-дин!
И в ответ слышал он:
-Динь-дон!
А потом со всех сторон
Зазвонили:
-Дили-дон!
-Динь-дон, дили-дон,
-Дили-дили-дили-дон!
-Дили-дили-дили-динь!
Оказалось – не один.
Получился – перезвон.

* * *

Я скажу тебе на ушко:
Мышка в норку тащит сушку,
А котишка на подушке
Лижет брюшко, чешет ушки,
Задней лапой чешет ушки,
Чешет, чешет, чешет, чешет,
Ушки, ушки, ушки, ушки.

И пока он чешет ушки,
Мышка спрячет в норке сушку.

БЕСКОНЕЧКА

Дядя Шум и дядя Гам
Побежали по лугам,
Полетели по холмам,
Учинили тарарам...
Наконец они устали,
Та-ра-ра-мить перестали.
Но про громкую потеху
Ветру рассказало Эхо:
«...Ядя...Ум...и...ядя...Ам...
Жили...там...и...ели...мам!»
Тут уж стало не до смеха!
Услыхав, что съели мам
Злые Яди Ум и Ам,
Задрожали Шум и Гам,
Побежали по лугам,
Полетели по холмам,
Учинили тарарам...
(И так далее...)

ДРАЗНИЛКА

Эй, рыбак-рыбачок,
Что попалось на крючок?
Окунь, сом или бычок?
Или рваный башмачок?

* * *

Что за грохот? Что за шум?
Это едут Бум-бум-бум,
Бах-бабах и Трум-тум тум!
Что за грохот! Что за шум!
Что за грохот? Что за шум?
Это спорят Бум-бум-бум,
Бах-бабах и Трам-там-там!

Что за грохот! Что за гам!

ЦВЕТНЫЕ СТРОЧКИ

– Сиреневый и розовый,
Салатный и морковный,
Вишнёвый и малиновый –
Какие вы красивые!
Откуда вы взялись?

– Нам розы и сирени,
Нам вишня и малина,
Морковь и лист салатный
Свой подарили цвет!

– Смородинный и яблочный,
Капустный, огуречный,
Гвоздичный и ромашковый –
Какими бы вы были?
И почему вас нет?

ПРЕКРАСНАЯ ЖАБА

В лесу под корявой корягой живёт
Прекрасная жаба, прекрасная жаба.
Большие глаза и атласный живот –
Такая прекрасная жаба!
И в меру толста, и не очень худа
Прекрасная жаба, прекрасная жаба.
К тому же умна и не слишком горда
Такая прекрасная жаба!
И если заметит, что кто-то грустит,
Прекрасная жаба, прекрасная жаба
В свой дом пригласит, комаром угостит
Такая прекрасная жаба!
«Спасибо» забудешь сказать – не корит
Прекрасная жаба, прекрасная жаба...
И каждый с почтеньем о ней говорит:
«Какая прекрасная жаба!»

Созвездие Константы

* * *

Я болела, а девочка пела.
(То ли сон? То ли явь? То ли бред?)
Тонкогорлая песня летела
Всё поверх, всё поверх моих бед.

Поднимала меня в поднебесье,
Обещала покой и приют –
Узкокрылая ласточка-песня...
Только ласточки так не поют!

* * *

Звезда и зияние. Есть ли меж ними черта?
Хоть малая щелочка – (боком, но втиснуться можно)...
Возможно ли, чтобы наполненность и пустота
Друг в друга вросли так больно и неосторожно?
Я слышу вопросы, но вот над ответом не бьюсь,
Я просто живу как живётся: случайно и страстно.
Сиянье и мрак, заключая глубокий союз,
Забыли спросить: ты согласна или не согласна?
Я чувствую это, но я никогда не пойму,
Как мир безразличен: прибыв, ты откуда-то выбыл –
Ни кромки, ни берега, чтоб зацепиться уму,
Чтоб остановиться и сделать единственный выбор:
Звездою ли поздней сквозь ветки ночные блеснуть?
Зиянью ли верить – вернуться в до-слова, до-детства?
Какой между ними ты вычертишь жизненный путь?
Опять это между... И некуда, некуда деться!

Созвездие Константы

*Памяти Константы Ильдефонса Галчинского,
большого поэта*

Проблема: силуэт и фон
В двух метрах чистого окна.
Но занавес есть у окон
И комнатная сторона.
Разделим фон и силуэт –
И никакой проблемы нет.
И человек не средь небес,
А меж столом и стулом – весь!
Проблема – силуэт и фон
Пред нами больше не встаёт...

Но есть Константы Ильдефонс –
Он нам покою не даёт.
Как занавес, сдвигает мир,
Рукой сминая край притом,
И ставит звёзд ночной клавир,
Чуть улыбаясь тонким ртом.
Певун, врунишка, чародей –
Уймись и не смущай людей!
Зачем пришёл ты нас будить,
Из дому ночью выводить?
И среди луж и облаков
Оставил, точно дураков?

Мы по-дурацки месим грязь
И пялимся на звёздный хор.
Но вот – стесняясь и боясь –
Вступаем с небом в разговор.
Какой услышим мы ответ?
Что угадаем, наконец?
Слились и фон, и силуэт,
И звёздный будет им венец!
Споём, Константы Ильдефонс –
Пока не безнадёжен слух!
Проблема: силуэт и фон...
А сам-то кто?

Одно из двух...

Сон

Он плакал во сне и, проснувшись, сказал:

«Мне снилось, что я тебя потерял...»

- Я так давно с тобой

В неведомой стране,

Я так давно с тобой –

Что вспомни обо мне!

Замри у спуска вниз

В серебряном краю,

Замри и оглянись –

Я за спиной стою.

Пусты мои черты –

Ни памяти, ни чувств.

Ещё едва учусь

Делить на «я» и «ты»,

На «раньше» и «теперь»...

Но ты не стой, иди –

Ступенями потерь

До встречи впереди.

Ответ

И потерялись все слова,
И как сложить ответ?
Соображала голова,
Стучало сердце вслед.
Нет, всё не так. Наоборот:
Сначала сердце – вот и вот,
И в глубине клубилась мысль,
К словам не поднимаясь ввысь...
...Так думают ночные псы,
Одни, в те странные часы,
Когда среди тьмы и тишины
Тревожит их лицо луны,
Когда весь мир – сплошной вопрос...
Но что ответить может пёс?
Учюяв звёздную страну,
Он густо воет на луну,
Сам презирая дикий вой,
Кудлатой, крепкой головой.
Порой разгадка всех основ
Мерещится и мне,
И тот же пламенный озноб
Взбегает по спине,
И отступают все слова...
Но мысль глубинная жива –
Сквозь тысячи забытых лет
Всё ищет тот, один ответ.

За рекою Гранде Флорес

За рекою Гранде Флорес...
Если только есть такая,
Если буйствует, сверкая,
В ней высокая вода –
За рекою Гранде Флорес
У меня вчера свиданье
Будет. И сродни рыданию
Моё радостное «Да!»
Всё смотрю, смотрю на воду –
Там вдова, жена, невеста,
Отражение неясно,
В нём и радость, и беда.
Всё, что было, есть и будет,
Всё, что врозь и несовместно
За рекою Гранде Флорес
Вместе, разом, навсегда.
За деревьями большими
Всё иду, иду навстречу.
Вечер. Лучшие свиданья
Мы не назначаем днём.
Гранде Флорес! Гранде Флорес!
Вот пройду – и не замечу,
Наглотаемся туману,
А друг друга не найдём.
За рекою Гранде Флорес,
Нравом трудной и нерусской,
Быть застенчивой и грустной –
Всё равно что и не быть.
Только затопила речка
Место слабого сердечка –
Крутит, вертит, баламутит
И не устаёт твердить:
«Есть Любовь –
Очнётся Сердце –
По Сердцу найдётся Милый...»
...А на прошлом берегу
Никого я не любила.

Сад

Amore, more, ore, re sis mihi amicus.
Любовью, нравом, словом, делом будь мне другом.
Латинская пословица

1.

Никакого таланта не надо
(Признаюсь? Может быть – узнаю?),
Чтобы поступь недвижимого сада
Навсегда ощутить как свою.

Чтоб и в небо, и в землю стремиться
Без разлада и чувства стыда,
Чтобы ветку подставить под птицу,
Чтоб уметь отпускать навсегда.

Так сквозить золотым на закате!
Так безмолвно дарить и страдать!
Никакого таланта не хватит,
Чтобы это другим передать.

2.

И солнце, и весна, и бег теней.
Уже цветы, уже листва лопочет...
А под землёю медленно хлопочет
Невидимое дерево корней.
Невидимое дерево корней
Податливо, коряво, узловато.
Хоть ощупью, но тянется куда-то...
Что этой тяги может быть сильней?
Непостижимо дерево корней!
Кто – обнажённой? Кто – ещё недвижимей?
Что ведаёт оно о верхней жизни
И сильно ли во тьме грустит по ней?

Что делать, если в каждом (и во мне!)
Невидимое дерево корней
Очнувшись, зацветёт?..

3.
Сад звал меня. Махал руками.
Он предъявлял свои права.
И лепестками, лепестками
Была усыпана трава...
И в предпоследний день цветенья,
Почти не по своей вине
Я стала отзвуком и тенью
Событий, непонятных мне.
Внутри росло и разрывало,
Снаружи лопалась кора,
Казалось суетным и малым
Всё, чем жила ещё вчера.
И в этом жутком растяженье
(Минуты – не перенести!),
В падении и восхожденье
Мне было велено цвести.

4.
Я – САДУ:
- А, может быть, лучше – без глаз,
Когда отцветёт, полиняет?
Ведь тот обещающий час –
Я знаю! – не всё выполняет.

А с нами такое стряслось,
Что рядом и сыск, и погоня.
Не вечен же шелест волос
Под слушающей ладонью?

Ты, Сад, не прими за отказ:
Любые сомненья не лишни,
Ведь то, что родится от нас
Не яблоком будет, не вишней.

Через небывалый союз –
Припомним былую науку,
Чтоб выдержать завязей груз,
Рожденья высокую муку.

5.

САД – МНЕ:

– Старайся не выглядеть странной,
Будь в полную меру земной.
Быть близкой не значит быть равной.
Не надо тянуться за мной.

Нелёгкого роста работу
Нельзя совершать за двоих.
У каждого точка отсчёта
И мера движенья свои.

Ты ходишь, сгибаешь колени,
Умеешь и плакать, и петь,
В моём двустороннем стремленье
Нужда ли тебе преуспеть?

Умей на себя оглянуться,
Пойми до конца свою грусть.
Не надо за мною тянуться,
Как я за тобой не тянусь.

* * *

Широкое дыхание полей...
Оно – мечта моей лесной души,
Привыкшей чутко вздрагивать в глуши
И только к ночи делаться смелей.
Лишь при луне, из тени в тень скользя,
Она к опушке медленно спешит.
Но дальше тех берёз уже нельзя –
Там край, предел лесной моей души.
Как над полями звёзды хороши!
Как далеко земля в ночи видна!
Как странен запах пыли и зерна
Для выходящей из себя души.
Смелей, душа! Ну, бедная, смелей –
Чего ты ждёшь, нуждаясь и дрожа?
Тяжелый шаг. Широкая межа.
Свободное дыхание полей.

* * *

Собачья речь,
И птичья,
И ручья,
И человечесья –
Вся она
Ничья.
Но каждому
Она принадлежит,
Хотя не всякий
Ею дорожит.
Сказать другому.
Услыхать в ответ.
Огромней дара,
Может быть, и нет!
Единая.
Единственная нить
Всё
На земле
Должна соединить.
Не оборвать.
Не спутать.
Уберечь.
И как свою
Принять чужую речь.
У камня,
И того – не отнимать
Способность
Говорить и понимать.

* * *

Меня дорога долгая вела
Сквозь оторопь, прозреньё и старанье –
От совпаденья слова и числа –
До совпаденья слова и дыханья.

Дыши движеньем строчки! Но сперва
Пойми, куда ты открываешь двери.
И повезёт – ты выдохнешь слова,
И повезёт – им кто-нибудь поверит,

Увидит сквозь неловкие следы
Весь путь невероятного везенья:
От совпаденья слова и беды –
До совпаденья слова и спасенья.

* * *

День рожденья. Конец листопада.
Опустевшие ветви тихи.
Боже мой, может, больше не надо
Сочинять никакие стихи?
Жизнь и так коротка и прекрасна.
Нету крыльев – попробуем вплавь.
И не пасмурный день, и не ясный,
Ты мой год обозначь, озаглавь.
Не хочу, чтоб какой-то искусник
Вспять вернул или век удлинил...
Вон прицеп с грузом поздней капусты
На дорогу кочан уронил.
И блистает он, светлый и сладкий,
Рядом с рыжей, отжившей листвой...
Как бы мне не стыдяться, без оглядки
Свой подарок поднять с мостовой.

Занятия лирикой (1992 – 1998 г.)

Заклинание

Иволга, таволга, влага и мгла –
Кто-то без них. Ну, а я – не смогла.
Нет, не пейзаж, не слова на устах –
Крови моей среднерусский состав.
Ива, и влага, и таволга – та –
Выше травы и пониже куста,
Что одеяньем земным занята
Да по низинам лесным разлита –
Вплоть до болотца и вдоль озерца –
Благо десница и благо шуйца
Равно простёрты и равно длинны,
Будто приять эту землю должны.
Пенная таволга, сонная мгла –
Ива ветвями на воду легла.
В мареве кругом идёт голова:
Блеск? Или всплеск? Или слышу слова?
Если дела мои выйдут – хоть брось,
Иволга – в– голос, а таволга – в – рост.
Это и есть заклинанье земли,
Чтобы мы врозь без неё не смогли.

Мотив. Эмили Дикинсон

Эмили Дикинсон... Имя как сон.
Шепот ли? Шелест ли? Лепет ли? – Эмили.
Что принесли мы? И что унесём?
Как здесь оставить, чего не имели?

Как этот мир не по мне, не по мне –
Сумками, взятками, сделками, деньгами!
Можно терпеть, проживая вчерне.
А беловик? Ну, куда его денем?

Келью ли выбрать? И дверь затворить.
И – не впускать. Не оставить ни щёлочки.
Даже и с близкими не говорить!
С миром – стихами. И только. И что ещё?

Что же ещё? В отрицанье до дна
Эмили целостна. Я – половинчата.
Это достоинство или вина?
Да и стихи не моим, не моим чета.

Вот и живу в обалделой стране,
Припоминая, что в ней по мне.
Но иногда, точно сквозь сон, –
Вздых или стон? –

Эмили Дикинсон.

* * *

У лирики короткое дыханье —
Она живёт от выдоха до вдоха.
Но в это нутряное трепыханье
Вплетает голос целая эпоха.

У лирики свободное дыханье.
Она не терпит плана и заказа.
В ней искры Божьей ясное сверканье
И своеволия тайная зараза.

У лирики высокое дыханье,
Она парит над разумом и бытом.
И частая расплата за призванье —
Разбиться. Быть убитым. Жить забытым

Не доверять ни зрению, ни слуху.
В пустых квартирах любят пировать
Бомжи и привидения. Но духу
Не следует терять. Ведь с детских пор
Привык пугать нас общий коридор.

3.

...Царь Вселенной устает пить
Лысый чай из кривого стакана.
...Мало крошек кормить тараканов.
На арфистку бы не наступить...
Мысли кружат, сбиваются в пену.
Может, на ночь не выключить свет?
Съехать, взявши хорошую цену?
Коридор упирается в стену.
Вход где выход. А выхода – нет.

4.

Почему же им так тяготятся,
Что даже клянут?
На пиру одиночества
Много волшебных минут.
Не трещит телефон.
Не скулит и не охает дверь.
Больше нету обмана.
Не будет разлук и потерь.
На пиру одиночества
Можно не есть и не пить.
С бестелесной душой
В разговор
За-душевный вступить.
«Я» засмотрится в «Я»,
В бесконечность взаимных зеркал.
Что же там, в глубине?
Ангел или звериный оскал?
Или просто НИЧТО,
Мировая игра пустоты?
Иль в конце коридора
Внезапно проявится – «ТЫ»?

1994

* * *

За чертой, за чертой он уже приготовил мне дом –
Не дворец, не чертог – просто каменный дом за чертой.
Там мы будем вдвоём. Бесконечно пребудем вдвоём.
Нам не нужен дворец. И – тем боле – не нужен чертог.

В суховатой ложбинке простые степные цветы.
За оградой сосны скрепляют корнями песок.
Он нашёл, что хотел. Он поставил свой дом у черты.
Сам узнал про себя, что он тоже и смел, и высок.

Почему же не здесь? Почему только там, за чертой?
Что мне делать самой? Не пора ль собираться к нему?
Он какой меня ждёт? Прежней, нынешней, завтрашней? Той,
Что сокрыта для всех, что явилась ему одному?

На ветвях помертвелых последние листья дрожат.
Скоро землю обнимет смертельный предзимний покой.
И лежит мне прямая дорога не в рай и не в ад –
Просто в каменный дом возле сосен в ложбинке степной.

* * *

Что, училка-мучилка,
Плохие дела?
Муж ушёл. Дочь болеет.
Зарплата мала.

Да ещё этот завуч.
Да это окно,
За которым то пусто,
То просто темно.

Сколько можно держать
Свой высотный этаж
В этом мире падений,
Продаж и пропаж?

За какую вину,
За какие грехи –
Хоть умри – но к доске?
Не диктант, так стихи.

Про себя сколько влезет
Хоть вой, хоть кричи.
Но нельзя перестать
Ни учить, ни лечить.

Ни слова говорить.
Ни готовить еду,
Даже если тебе
Наяву как в бреду.

Кто-то нас поднимает,
И силы даёт,
И толкает в целительный
Круговорот

Внешней жизни,
Где завтра почти как вчера.
Не выходит с уходом.
Ещё не пора!

1994

Мотив. Гарсия Лорка

На бледно-лиловом –
Лимонный
Месяц салонный.
Он гладью вышит
На шёлке новом
В слезах солёных.
Хоть здесь, в России,
Ни лилий вам,
Ни лимонов.
Хоть Гарсия Лорка
Её снегами пока не тронут,
А на развалах книжных
Царит Лимонов,
И все её тройки,
И все её птицы
Во мраке тонут.
И всюду волки,
И хлеб надежды
В песок раскрошен...
...Что ж, тонкий месяц
В небесном шёлке –
Излишняя роскошь?
Ему скатиться
Ещё не поздно,
Но он гарцует,
И шёлк синеет,
И новые звёзды
Вокруг танцуют.
Ну что ж, Россия
Ещё большая...
Гарсия...Волки...
И льются слёзы,
Но не мешают
Стежкам иголки.

1995

* * *

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слёзы первые любви.*

А.Блок

Не ведая уклона,
К сомнениям глухи,
Холодные колонны,
Как Бродского стихи.
В развалинах усадьбы
Какой десяток лет –
Стоять бы. У-сто-ять бы.
Другой задачи нет.
А я мечусь по жизни,
Всё едет вкривь и вкось,
В такой лихой Отчизне
Родиться довелось,
Где рухнули устои,
Где по колено грязь,
Где жизнь так мало стоит,
Что тратим, не боясь.
Но держатся колонны,
Облезлы и стройны.
И я не бью поклонов –
Не тот изгиб спины.
Но это не гордыня,
А то, о чём нам вслух
Не следует отныне –
Национальный дух.
О, мой Творец вселенский!
Ты так назначил? Пусть!
Убогой, деревенской
России не молюсь,
Избушкой не пленяюсь,
Не нянчу в сердце грусть –
Колоннам удивляюсь
И с участью мирюсь.
Не в силах примириться
И слиться до конца,
Я чиркаю страницы
По милости Творца,
Надеясь древней речью
На современный лад
Сказать по-человечьи,
Что нет пути назад. 1995

Ремонт в Самаре

Два молодые обормота
Дерут со стен слои газет
В честь бесконечного ремонта –
Наследия советских лет.
А из оконного провала
Летят Гагарин, БАМ и ГРЭС,
Беда Арала и Байкала,
Что выдавалась за прогресс.
А ветер в городе Самаре
Метёт обрывки прежних лет,
И механически бездарен
Бредёт по времени скелет,
Одетый в плоть, и в плащ, и в шляпу,
Несёт в авоське свой обед.
Ему плевать. Над ним не каплет,
Ему семь бед – один ответ.
Но мы, пока ещё живые,
Привыкли чем-то дорожить.
Мы эту жизнь живём впервые,
И нам её не пере-жить.
Ремонт всё тянется, всё длится,
И не видать ему конца...
И охламон сдирает лица,
Сам оставаясь без лица.

1994

* * *

Ветки берёзы сквозь вьюгу.
Кружево кружев.
Милая родина,
где не устанут бороться.
Где так несладко внутри
и не гладко снаружи,
Где никогда не понять,
что откуда берётся.
Жить на Руси –
не болтать о любви и свободе.
Тело не врёт,
но душа заблуждаться умеет.
Это – о каждом.
Так что же о целом народе?
Всё он дурак дураком
и никак не умнеет.
Ждёт, как дитя, разрешенья
и чудного чуда:

Кто-то придёт, всё поймёт,
всё решит и уладит.
К сердцу прижмёт.
Да ещё по головке погладит.
Лишь бы явился.
Не важно – какой и откуда.
Как ни надейся
на личный «авось» и на случай –
Здесь ни один не спасётся
без общего блага.
Тело не врёт.
Но душа, как известно, летуча –
Рвётся куда-то
и тайно желает варяга.
Так и живём:
отметелит и тут же завьюжит.
Но ведь живётся.
И даже, представьте, поётся.
Таёт добро.
Но всегда красота остаётся.
Ох, уж мне эти берёзы
И кружево кружев.

1995

* * *

Цвет озими, зелёный до озноба,
Сквозит в последнем золоте берёз,
И отступают суета и злоба,
И ясно: все задумано всерьёз,
Замешано на красоте и свете
До полного явления Творца.
Дожди и солнце, озими и ветер
Ему верны пребудут до конца.
А мы, хотя не менее любимы,
Понять Его усилий не хотим,
Глядим куда-то в сторону и мимо
В своих машинках по шоссе летим.
С тупым и постоянным окаянством,
Тараща остеклённые глаза,
Торопимся из времени в пространство,
Так что визжат на спусках тормоза.
Лишь иногда, на горочке, на взлёте.
Когда откроет даль нездешний вид,
Свеча берёзы сердце позолотит
Да зелень поля душу ознобит.

* * *

А в городе – туман.
Густой кисель молочный.
И всё, что явлено,
Он делает заочным,
Заоблачным, неявным и пластичным.
А временами – вовсе фантастичным.
Как слово «вовсе» при звучанье странно!
Как этот холод до костей проник!
Как в юности, я не люблю тумана:
Поглубже руки погружу в карманы,
Подняв на всякий случай воротник.
Нет, не живать нам у реки молочной,
Как не едать от берегов кисельных.
Но ни тебе, ни мне – я знаю точно –
В чужой стране не справить новоселье.
Но долго ли ещё блуждать в тумане
И забывать про окоём заочный?
Как под ногами
Слякотно и прочно,
Как холодно руке
В пустом кармане.

1996

Мотив. Джотто–Боттичелли

Корявый Джотто, плавный Боттичелли...
Что мне до них? Ведь я совсем другая,
Живу, свою действительность ругая,
Забочусь о своих душе и теле.
Знакома с ними только по альбомам,
Второразрядью глянцевых открыток.
Но почему-то я у них как дома.
И уходить не делаю попыток.
И Джотто мне втолковывает что-то.
А Боттичелли что-то напевает...
И общая идёт у нас работа,
И, Слава Богу, так ещё бывает!

1995

* * *

Занятия лирикой
Чреваты истерикой,
А не открытием
Новой Америки.

Занятия лирикой –
Дело опасное,
Чаще прелестное,
Редко прекрасное.

Занятие лирикой –
Не откровение,
Но откровенности
Страшной мгновения.

Занятия лирикой –
Дело привычное,
Хоть и сквозит в них
Что-то сверхличное...

Ох, удержаться бы
В рамках приличия!
Занятия лирикой...

1995

* * *

Несмотря на войны и перевороты,
На охоту незыблемое раздолбить,
Кто-то должен брать высокую ноту
И простую мелодию выводить.
Как игрушечные, рассыпаются зданья.
Жизнь проиграна, нечего больше терять.
Но кому-то дано нутряное задание –
Старомодные истины повторять.
Ну и что же, что копотно и угарно.
Что любой проходимец – пророк или бард –
Кто-то должен классически, не вульгарно,
А иначе на чём бы стоял авангард?
И пока над заплёванной нашей планетой
Разрушительный танец Шива вершит,
Кто-то должен платить **не той же монетой**:
Не орать, не жадничать и не спешить.

1996

* * *

...плестись с кошелкою базарной...

М. Цветаева

От странных строчек в стороне
Я ухитрялась жить годами –
О плуге и о бороне,
О Музе и Прекрасной Даме.

Земля и небо. И не тщусь
Поймать космические волны:
С пустой авоською тащусь
Базаром, чтоб вернуться с полной.

Но запах хлеба и листвы
Так много значит, много значит,
Что с миром хочется на Вы
Заговорить. И не иначе.

Но у весеннего тепла
Так много неземных оттенков.
Что кругом голова пошла,
И хочется прижаться к стенке.

Оставьте лишь земное мне,
А с прочим – прочь, к такой-то маме!
От всяких строчек в стороне
Я так старалась жить годами.

Не отвечать. Не замечать
Судьбы горячего дыханья.
Закон: лиха беда начать
И открывается призванье.

И будет трудно удержать
Свои лирические бредни.
И будешь как струна дрожать
И ожидать звонка в передней.

Но кто зовёт? Зачем? Куда?
И не прельстительно ли это?
...Вверху дрожит одна звезда.
И ни ответа, ни привета.

* * *

... печаль плачущих без плеча...
М.Цветаева

По ямам и ухабам волоча,
Подчас почти что спихивая с кручи,
Жизнь научила плакать без плеча.
Чему ещё она меня научит?
Спокойно обходиться без перил?
Слепой ногою не искать ступеней?
Но крыльев мне никто не подарил,
И дара слышать ангельское пенье.
Высоких сфер мне тоже не дано.
Открылся мне бесплатно и давно
Лишь тайный строй обычной русской речи.
И он меня от всех печалей лечит.

1994

* * *

Облетевшие ветки такого нежнейшего цвета,
Для какого и слов никогда и нигде не найти.
Ну и что ж, что не лето?

 Может быть – слава Богу – не лето!

Меж безмолвных полей можно тихо и тайно цвести.
Розоветь, бронзоветь, отливать золотым и лиловым,
В белый холод внести неизбежный оттенок тепла,
Утверждая возможность того несказанного Слова,
Что внутри нашей жизни, куда бы она не текла.
Эти бледные краски, быть может, всех летних богаче,
Ведь когда их заметит смятённая чья-то душа,
То она отдыхает. А грешное сердце не плачет,
Если русским пролеском идёшь в декабре не спеша.

Сонет

Как сказано, как велено, как надо –
Когда-то, где-то, кем-то создана –
О, строгость старой формы! – Ты одна
Стоишь противу смуты и распада.

Для всех, из чаши бытия хлебнувших,
Плывёт во тьме соломинка – сонет.
И в нём – число, и плавный ход планет,
И жар страстей, уже давно минувших –

Всё сплавлено. И льётся слабый свет
Сквозь маяту житейских бурь и бед
И проступают письма на свитке,

И всех зовут иные времена.
И малая, но каждому дана
Не разрушать ещё одна попытка.

1995

Мотив. Гобелен. 18 век.

Постой, красавица, постой,
Заплачь и спрячься за колонной...
Ты только кажешься пустой,
Заносчивой и вероломной.
Десятку голову кружить
Из тех, кто счастья не достоин,
На празднике придворном жить,
А мир как праздник не устроен.
А тот, по ком душа болит,
Кому она навстречу рвётся,
Другой, другой благоволит,
С ней пропадает и смеётся!!
И чтоб не дать ему пропасть,
Спасти от плахи и позора,
Ты сможешь отравлять и красть
И стать любовницею вора.
И тонкие твои черты
Растают. Свет тебя забудет,
Как будто ты уже не ты...
Но ты не знай, что это будет,
Царюй-горюй и рви цветы!
Ты только задержись, постой
Одна, в слезах, среди сиреней,
Чтоб неземною красотой
Мир озарить хоть на мгновенье.

* * *

Есть движение плеч
У красавиц и даже не очень,
Что любые сердца
Задевает и сладко морочит.
Для турецкой ли шали оно?
Иль для ласковой шубки собольей?
Только взгляду дано
В нём слиянье отрады и боли.
Пусть разруха. Пусть грязь.
Пусть усталый народ матерится –
За плечами, искрясь,
Лёгкий тюлевый воздух струится,
И в совсем не-красавице
Вдруг на мгновенье открыто,
Чем нечаянно, вскользь
Одарила её Афродита.
И пока на Земле
Повторяется это движенье –
Вдоль по склону плеча
Той невидимой ткани скольженье,
Будут свет, и печаль,
И томленье до изнеможенья.

Прощание с прощанием

1.

Что творится в мире? –
Ветер
Дышит сильно и неровно.
Он большие слёзы
Вытер
На глазах у хладных статуй.
И у всех подземных станций,
Что в кольце Москвы огромной,
Он встречает всех прохожих,
Чтоб до дома проводить.
Он одних толкает в спину,
По-собачьи треплет полы,
А другим, стеснив дыханье,
Всё бросается на грудь.
И кому лететь способней
Вдоль полночных улиц голых,
А кому до тёплой двери
Предстоит нелёгкий путь.
Что творится в мире? –
Ветер.
Вся меняется погода:
После оттепели смутной
Землю пробует мороз.
О себе напоминает
Даже в городе природа.
Этим статуям чугунным
Завтра будет не до слёз.

2.

На сквозном ночном бульваре
Длится вечное прощанье.
Посмеёмся. Поболтаем.
Задохнёмся на ветру.
Каркнет поздняя ворона.
Вякнет дальняя собака.
Атмосфера расставанья
Нас нисколько не смущает.
Ну, а что мы потеряли,
Ясно станет поутру.

...Длится поздняя игра,
Будто не хватает знака,
Что одно – уже другое,
Что – случилось, что пора.
Каркни, поздняя ворона,
Вякни, дальняя собака,
Звякни что ли, ключ в кармане,
А не то сейчас помру!
Помираю... Но, однако,
Не сыграю в долгий ящик –
Стану жить, глаза таращить –
Камень с-головы-до-ног.
И у этой зимней Зинки
Никакой такой слезинки
Ни один апрель не выжмет –
Будь хоть трижды одинок!
...Что творится в мире? –
Ветер.
Ветер – поздняя собака...
Он тебя толкает в спину...
Ну, а мне, стеснив дыханье,
Всё бросается на грудь.
И тебе куда способней
Наш ночной бульвар покинуть.
Да и я его покину.
Но – потом. Когда-нибудь.

Банальный романс

Когда на сердце так тревожно,
А мир так по-январски бел,
Нечаянно увидеть можно
Своей земной любви предел.
Закончу праздники и рядом
Не буду близко и давно.
Таким пустым и долгим взглядом
Уставлюсь в зимнее кино.
Пусть время сократит пространство
Уже почти случайных встреч...
Прости меня за постоянство
И вечно внутреннюю речь.
(И не скажу, и не нарушу,
Но – всё равно – не сберегу...)
Прости мне путаную душу,
Что лишь у Господа в долгу.
Ещё чуть-чуть – и оборвётся
Сердца связующая нить...
И ничего не остаётся.
Как в снег слезинку обронить.

* * *

На все золотые просторы любви -
Один только маленький омут.
Ты в медленной лодке за мной приплыви,
Но помни: в том омуте тонут.
Закружится чёрной воронкой вода.
Уронишь. Черпнёшь. Захлебнёшься.
Опугает тиной, затянет туда,
Откуда нескоро вернёшься.
А я всё живу за спокойной рекой,
Всё жду, что назначено было,
И думаю: «Медлит, жестокий какой,
Чтоб я его больше любила».
А время смывает святое число,
А месяц то тощий, то полный.
И даже ненужное больше весло
На берег не вынесут волны.
Цветы моей жизни всё выше цветут –
Выносят и стужу и ветер.
Мой дом беспечален, и дети растут,
И мужа бужу на рассвете.
И лишь как бессонница глянет совой,
Закружатся чёрные мысли:
И мне что ль сквозь золото вниз головой
В том месте, где корни нависли?

* * *

По свежему снежку,
По крепкому ледку,
Чтоб розаны на шали,
Сапожки чтоб не жали,
Чтоб улицею плыть,
Забыв, как слёзы лить,
Чтоб, глаз не опуская –
Смотрите! Вот какая!
Как будто нет как нет
Непоправимых бед,
И чтоб дружочек тайный
Вдруг встретился случайно.
Взглянуть – и не взглянуть,
С тропы в сугроб свернуть
И смехом задохнуться,
Чтоб он не смел вернуться.

Мотив. Иван Андреевич Крылов

Ворона каркнула. Рассвет
Вставал **во всё воронье горло.**

Лиса, однако, **сыр** не спёрла:

Кусок на небе созревал.

Туман барахтался у вод.

Весь дол

Был сыр,

А бор

Был сер.

В предчувствии дневного зноя.

Вещунья,

Возвестя восход,

Прославила вороний род

И бывшую СССР,

И всё творение земное.

И рос рассветный щебет птиц,

И хором отрицал **лисиц.**

Мир открывался без коварства.

Любому что-то **Бог послал,**

Чтобы не очень голодал,

Не отдавал за **сыр** полцарства.

Крылов не убедил Творца.

Рассвет орал, что нет конца –

Всё перепуталось до всхлипа.

Была плутовка такова,

Что у неё свои права

На этот **сыр.** Но он не **выпал!**

* * *

Дельфины с орехами...Идиотизм.
Какие дельфины? Причём тут орехи?
На рубище жизни сплошные прорехи,
А мы всё летим и чего-то хотим.
Но было же в этой, как будто в другой:
Дельфин серебристый крутою дугой,
И грецкие – грецкие! – вдоль автострады.
А мы? Мы почти беззаботны, мы рядом
Кавказским, лихим, отпускным сентябрём.
Почти безработны теперь. И берём –
Ужо! – что достанется нам на орехи...
Ни времени дела, ни часа потехи –
Лишь вечность играет капризной губой
Над кладбищем жизни, где вход – раньше пенсий.
И лишь на приёмах у экстрасенсих
Дельфины, и море, и грот голубой.

1997

* * *

Судьба и осень. Безотрадно.
В душе кипит от близких слёз,
Но за окошком так нарядно
От жёлтой вышивки берёз!
Под полотняным серым небом
Природы пёстрое шитьё...
Скатать в незримый свиток мне бы
Своё невзрачное житьё.
И повести по новой ткани
Такой немислимый узор,
Чтоб был желанней всех желаний
И побеждал житейский вздор.
Отрада осени – уменье.
Ведь дело близится к концу,
И всё полезное творенье
Послушно своему Творцу.

* * *

В Самаре падал снег. Земля была черна.
Снег выводил не ней седые письма.
Никто их не читал, поскольку не умел.
Но суетливый мир на время онемел,
Открыл себя зиме – и вдоль, и поперёк,
И жаждал белизны обшарпанный ларёк,
И железобетон, и весь металлолом
Стремилась сразу стать застеленным столом,
Готовым к пиршеству. Спешили охладеть,
Чтоб с неба сшедший снег их не оставил впредь.
В Самаре падал снег. И таял на земле.
Она ещё храни –

ла память о тепле.

1994

* * *

Может, жизни осталось на доньшке,
А посмотришь – так целая треть.
Сквозь бокал я прищурюсь на солнышко:
Допивать? Или так помереть?
Среди дел и бумаг развороченных,
С непорядком в душе и в дому,
Среди всех бесконечно просроченных
Безответных моих *ПОЧЕМУ?*
А быть может, пора образумиться,
Не тревожить вопросом Творца
И в Москве на Реутовской улице
Как жила, проживать до конца?
Не холопствуя и не панствуя,
Принимать всё, что мне суждено...
И ещё существует шампанское,
И в бокале играет оно!

1993

Балконы

Балкон – 1

Новый Год под пятой. Не хочу никакой запятой!
...Свежим утром
На тот же балкон
Шестикрыло взлететь,
Не нашарив
Второй босоножки.
Мне зима – не зима,
Потому что закон – не закон.
Мной заказан июль,
Земляники и солнца окрошка...
Жаль, любимого нет.
Ну, так он – человек занятой.
Я его разлюблю,
Я отвешу прощальный поклон
Под присмотром перил,
Перегнувшись сверх меры
Немножко.
...На-бал-кони-не-ходят.
Но мой – он поставлен на кон.
По ещё незабытой,
Пробитой из детства дорожке
Он примчится на бал,
Принесётся,
Поскольку крылат...
Жаль, проиграна юность. Ну, что же, не в этой, так в той...
На балконе не ходят.
Там тихо встречают закат.

Балкон – 2

Балконный бал,
Где КОНИ ходят НЕ.
Завал вещей,
Что оттанцуют к маю.
Что за зиму так падают в цене,
Что все беспрекословно понимают
Простой итог: не свалка, так утиль.

А бывший праздник –
Нынче прах и пыль.
Метлахской плиткой –
Шахматной доской
Пройдёт метла
В своей шаманской
Пляске.
И задохнётся смертною тоской
Всё, что уже не подлежит огласке,
Что явно было, но сейчас пройдёт.
(Сей – час, сей – век, сей – месяц или год?)
Когда угомонится зимний хлам
И зацарюет вновь горшок с геранью.
Я, с детства непривычная к балам,
Сыграю с тем, кто жизнью меньше ранен,
И лошадь обменяю на ладью.
(Но разве так любовь свою убью?)

Балкон – 3

*...Сквозь чугунные перила
Ножку дивную продень.*

А. Пушкин

*И, как пьяный сторож,
Выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе,
Приморозил ногу*

С.Есенин

Кончен бал. А балкон – застеклён.
Дивных ножек в России не сыщешь.
Век кончается: хлещет да свищет.
Моё дерево, кажется, клён.
И никто ни в кого не влюблён.
Но один под балконом стоит –
Примороженный старый поклонник,
Пьяный страж лжедуховных элит.
Кандидат. Психопат. Инвалид.
Я ему не чужая жена,
И никто никому не опасен,
Потому что он трезв и безгласен,
Ну, а я – за стеклом и умна.
Жизнь кончается. Скоро весна.
(Инезилья – Ровесница – Ножка –
Пьяный сторож – Коняшка – Дорожка-

Клён – Балкон – от темна – до - темна).

Молитва

Век приходит грубой поступью.
Как над пропастью стоим.
Помоги все детям, Господи,
И моим, и не моим.
Между левыми и правыми,
Среди смуты на Руси,
Заступи пути лукавому,
От сетей его спаси!
Уведи от слова ложного,
От войны и от тюрьмы,
От житья-бытья безбожного,
Коим пробавлялись мы.
Дай без обуха и плети им,
После всех страстей и бед –
Жить в другом тысячелетии.
Не держи за нас ответ!
...В этом мире искорёженном,
Где не знаем, что творим,
Помоги все детям, Боже мой,
Всем моим, моим, моим!

Сухая осень

* * *

Моим однокурсникам

Августеет. Трава высока и густа,
Подсыхает, сорит семенами.
Всё успеет поспеть до опада листа,
Всё случится, да только не с нами.

Мы не чувствуем осени, мы навсегда
Заблудились в студенческом мае,
И невидимых крыльев стрекозья слюда
Нас опять над судьбой поднимает.

Что-то тащат себе муравьи про запас...
Пусть других бережливости учат,
Пусть зима, коль придёт, обойдётся без нас –
Невезучих, певучих, летучих.

Сухая осень

Воспоминанием о зное
(Или о жизненных потерях?)
Стояло дерево сквозное
В последних блёкло-жёлтых перьях

Тянуло дымом кисловатым,
Как будто с дальнего пожара.
Южанин-ветер осень сватал,
Чтоб за дождём не убежала.

Всё высыхало – горло, слёзы
И русла. Забывались росы.
И в лепестки увядшей розы
Бессмысленно впивались осы.

И – ни умыться, ни напиться...
И смертью дерево сквозило,
Как обгорелая жар-птица,
Которая взлететь не в силах.

* * *

В течение ночи есть пора
Для всех влюблённых.
В глубинах ночи есть нора
Для всех бессонных.

Для всех пытливых есть вопрос.
Есть покрывало,
Для тех, кому не нужно звёзд –
Для всех усталых.

И есть её вселенский взгляд
Тысячеокий
Для тех, кто ничему не рад,
Для одиноких.

Жизнь при свечах

Когда внезапно вырубают свет,
Мы выбегаем из ослепших комнат.
Свечу подаст на лестнице сосед,
В обычной суете полужнакомый.

Два профиля и пламя посреди,
В дверном проёме, как в картинной раме,
И есть о чём соседускам судить
И кумушкам судачить вечерами.

Жизнь при свечах – совсем другая жизнь!
Там робок свет. Там верховодят тени.
Там ложка в тонкой чашке дребезжит
Как знак неодолимого смятенья.

Они всё те же через сотни лет –
Фитиль, плакучий воск, сквозняк и трепет,
И розовые пальцы на просвет,
И шепот на ушко, и встречный лепет

И чёрный крот, что роет тайный ход
Между сердец, слепой, коротколапый...
Но, времени включая поворот,
Вдруг снова залпом вспыхивают лампы.

Мы щуримся. В глазах, а не в очах
Стоит слеза и резкий мир туманит...
Но час случайный жизни при свечах
Важней всего, вернее и обманней.

* * *

На шёпот перейти,
Совсем убавить звук...
Звезду из паутин
Бесшумно ткёт паук.

И вот звезда висит
Во весь размах косой,
Алмазною слезит
Сентябрьскою росой.

Воздушна и легка,
Прекрасна так, что дух
За...
 ...бота паука –
Ловитва поздних мух.

Попробуй только тронь –
И липкий серый тлен
Опутает ладонь
Всей красоты взамен.

И шёпот не спасёт!
Не лучше ль промолчать?
Звезда ещё висит...
Сейчас начнёт звучать.
Сейчас звучать начнёт!

* * *

Ф. К.

Гулкий бор на горе, а внизу, вдоль по речке – осинник,
В середине – не слишком погожий, но всё же сентябрь.
Он ещё не устал, не расстался с мечтою о синих
Небесах, он ещё рассыпает янтарь.

Бор всегда чисто убран. В осиннике вновь беспорядок,
Там шуршат, шелестят и теряют листву на ветру.
Там не прячут уже золотых и серебряных прядок,
И совсем обмирают от заморозков поутру.

Если снизу глядеть – всё колонны, колонны, колонны,
Под зелёною крышей соборная бронза и медь.
Если сверху смотреть – всё изгибы, кивки да поклоны,
Всё раздать, растерять и к зиме ничего не иметь.

Бор стоит как стоял. Ветер шастает лишь на вершинах.
Бор горит янтарём на вечерней сентябрьской заре.
И ему не понять, что творится в предзимних осинах,
А в низине не слышно, о чём там шумят на горе.

* * *

... Когда отрезал:
«Мой мир – не твой!» -
Я ушла,
Поплотней затворила дверь,
Чтобы слыхом не слышал
Про бабий вой
По не самой страшной
Из всех потерь.
... за дверью оставила
Круг знакомств,
Сеть намёков, кивков,
Золотых звонков,
И стихи слетели
С пустых страниц,
Стали стаей
Безмолвных, бездомных птиц.

... брела по жизни,
Искала свой мир
В пустоте полей,
В тесноте квартир.
Среди умных книг,
Меж могильных плит -
Есть ли мой секрет?
Где же он сокрыт?

До сих пор – брожу,
До сих пор – ищу.
Иногда стихам
В облака свищу.
Крив ли долгий путь?
Иль почти прямой?
И – куда ещё?
И – когда домой?

...быть может,
Мой мир –
Целый белый свет...
Если так – он Божий.
Не твой.
Не мой.
...Если б сразу – тогда! –

Отыскать ответ!

2006г.

Иней

1.

Старательный, подробный, нитяной –

Он всё обводит белою каймой.

И вот к утру как будто больше света:

Костяк берёзы, остов фонаря

Сияют, что-то высшее даря,

Такое, что на миг забудешь – где ты.

2.

Весь мир каймою белой обведёт.

А к полудню очнётся и уйдёт,

Как тихое дыханье испарится.

Чего-то смутно жаль... И не пойму –

Чего? – Не вспомнить сердцу и уму,

О чём словами, вслух не говорится.

3.

За день растает – за ночь нарастёт,

Возникнет, встрянет в зимний обиход,

В скупой порядок: белый, чёрный, синий.

Зима вздохнёт – и на землю сойдёт,

Всё белою каймою обведёт

Необязательный, необходимый иней.

* * *

Жаждут денег вселенских,
Власти, славы, услад.
...Жить в Ельце или Мценске.
Три окна в палисад.

Затеряться, забыться
На безмерной Руси.
Шить халаты из ситца.
Ничего не просить.

В среднерусском терпенье.
В грязной властной игре.
Просыпаться от пенья
Петухов на заре.

Садом жить, огородом
И дарами реки.
День-за-днём, год-за-годом,
От доски – до – доски.

Жить родством и соседством.
Хоронить и женить.
По трудам и по средствам.
Никого не винить.

...Интернеты – ракеты,
Заплутавшийся век...
Но ведь где-то, ведь где-то
Будет жив человек!

* * *

На завтрак, как всегда,
Овсянка и творог.
Они известны мне
И вдоль, и поперёк,
На совесть знаю их.
На запах, цвет и вкус,
И с ними ничего
На свете не боюсь!

* * *

На морозном стекле –
За ночь выросший лес кружевной.
Слабый солнечный луч
Меж сквозными растеньями кружит.
...Этот – пьёт. Тот – больной.
Тот – решает проблемы с женой.
Но ведь кто-то к окну подойдёт
И январскую вязь обнаружит.

И забудется вдруг,
Заглядится на чудо-кусты,
Среброкудрые кущи,
Хрустальноблестящие чаши...
И сквозь ватную толщу
Привычной людской маяты
Вдруг сверкнёт, позовёт,
Приоткроется мир настоящий.

Старый Новый Год

Неновый Новый Год,
Подержанный, помятый.
Не пахнет мандарин
И запылилась вата
На ёлочных ветвях,
Уставших осыпаться,
И праздник потускнел,
Но вынужден остаться.
Что празднует народ,
Бездумно и покорно?
Но стол опять накрыт,
Хоть не с икрою чёрной
И без шампанских брызг –
Так, водочка, селёдка...
Но – снова из гостей
Нетвёрдою походкой...
В унылый стылый быт –
Проторенной дорожкой,
Теряя по пути
Торжественные крошки,
Что теплились в душе,
Светились и роились...
Наверное, нельзя,
Чтоб праздники двоились.

Январь. 2008.

* * *

Что с возу упало, то пропало.

Пословица

... И что-то там упало с возу,
Попав в зыбучие пески.
Животрепещущие розы
Не зря роняли лепестки.
Мирское время шло низами,
Над розами и над возами,
Забыв про вечность в высоте.
Литературными слезами
Нельзя заплакать о мечте.
Все эти слёзы – грёзы – розы,
Вся стихотворная напасть,
Упали с жизненного воза,
Чтобы во времени пропасть.

* * *

На переломе февраля
В конце зимы
У Ди-ду-да и Тра-ля-ля
Занять займы

И на весеннюю капель
Настроить слух...
...Метёт метель,
В глазах рябит от белых мух.

* * *

Весне давая старт
Повсюду и везде,
Над нами каркнул март
Вороной на гнезде.
Хотелось бы – грачей,
Хотелось бы – скворцов...
От солнечных лучей
Не заслоняй лицо!

В суете законченная сюита для оркестра, и не только

Сыну Даниле в день его рождения.

1.

У Ми-ми-ми-ми Норы
Был Фа-ма-ма-ма Жора –
Пройдоха и обжора,
И волокита-плут.
Был Бас такая Контра,
Что он сказал Ми Норе
(Под локоток, на ушко,
В душевном разговоре):
«Тебя с разбитым сердцем
Когда-нибудь найдут!»
Ми Нора задрожала
И бросилась к Фа готу.
(Был гот как гот: серьёзен,
Велеречив и властен,
Себя и прочих близких
В обиду не давал.
Он укреплялся духом,
Держал любую ноту,
А что в любви несчастлив,
Фа тщательно скрывал).
Так вот – в тоске Ми Нора
Наплакала Фа готу,
Чтоб повлиял на Жору,
Привлѣк и вразумил.
Фа поворчал для виду,
Что, мол, полно работы
И выяснять не время,
Кто там кому не мил.
Но стал играть в мажоре,
Искать своё звучанье,
Взялся за дисциплину
И Жору стал лечить.
Ма Жора догадался,
Что Бас всему причиной
И погрозился Баса

При всех – разоблачить.

2.

Ведь Бас – такая контра!
Он врал, что Форте – пьяный,
Фон Сакс – что деревянный,
Что Флей – уже не та...
А Скри – не ПКИ, а ПОЧКИ,
Что бары эти Баны
Го боя на цепочке...
Что чёрный Ро рехнулся –
Решает: «Я ль? Не я ль?»
Ох, как все рассердились!
Тру забасила : «Ба?»
Клар завопил: «Нет! Нет!»
А Го так рвался в бой,
Что Баса рост не спас!
Вот так все расходились –
Визжали, выли, били,
Про музыку забыли,
Сорвавшись с вечных мест.
Мгновение казалось.
Что всё со всем смешалось,
Гармонии разбились,
И кончился оркестр!
Ми Нора застонала
И замертво упала.
Настала тишина.
Такая ей цена!

3.

Испуганный Ма Жора
Слетал за дирижером,
Чтоб тот навёл порядок,
Чтоб кончилась война!
И человек явился,
И встал за пульт неспешно,
И голову откинул,
И руки вверх поднял.
И на законном месте
Вдруг каждый очутился,
И даже Контра грешный

Не за-про-тес-то-вал.
А дирижер не мешкал –
Рукой рубил он воздух,
В другой держал он палку,
Хоть никого ударить
Не думал и не смел.
Он всех любил, конечно,
И многих было жалко,
Но наводить порядок
Без палки не умел!
И вслед его движеньям
Все позабыли ругань,
Услышали друг друга.
И звуки заструились
Как бы от самых Муз.
И снова у Ма Жоры
Есть Ми-ми-ми-ми Нора.
Они друг друга любят.
И вечен их союз!

Разливы

«На берегу отравленной реки...»

Начало весны**Три воспоминания**

Первое

Второе

Третье

Школьница**Крыша****Лефортовские фрагменты**

Первый

Второй

«Атласные коровы ...»

Стирка**Сигулда**

«Мы так молчим, что говорить смогли бы...»

Из цикла «Смерть учителя»

1. «Когда все фонари...»

2. «Ночь реликтовых мрущих растений...»

3. «Ни - травли. Ни - крушенья. Ни - свинца...»

4. «На полустанке, осенью объятom...»

5. «На кладбище, где снегу много...»

6. «Пока вожаки летают...»

«Мы - не ранимы. Мы – грубы...»

Плач по маме

«Опять эти трудные мысли...»

«Не забывчивы, но живучи...»

«Снег с дождём... Сочетание слов...»

Разливы**Светлый год**

«Снега теряют силу в феврале...»

Светлый год

1. «Но в ангелы к тебе я не могла...»

2. Весна.

3. Лето.

4. Осень.

5. Зима.

Грустное очарование вещей

«До торжества той капли малой...»

«Садовая скамья под грушей...»

«Когда холодная заря...»

«Лунный огромный шар...»

«Ломкая жимолость...»

«Сухой вершинке каменистой...»

«Узкий мосточек ...»

«Вишня вечером перед цветеньем...»

Одуванчик

День рождения

Серебряный остров

1. «Мы бредим далёким и прежним...»
2. «Нет, с головой не пропадёшь...»
3. «Весь день бежала мелкая волна...»
4. «Сегодня озеро больно...»
5. «...И жила-была одна рыба...»
6. «На всём пространстве медленной недели...»
7. «Щучьи пляски на закате...»

Сентябрь.

Ночной костёр

Песня

«От равноденствия до противостоянья...»

Черновик

«...Но за ночь лёг внезапный снег...»

«Нам добрый прошлогодний хлеб жевать...»

Занятия с детьми

1. «Пока доченька что-то лепечет...»
2. **Качели.**
3. **Стихи Елене**
4. **Неделя**
5. **Дудочка**
6. « Самолётик, и лётчик, и мальчик...»
7. **Отчество**
8. **Красавица**
9. **Листья**

Стихи для детей

Самая хорошая игрушка

«Лю-лю-лю и Ля-ля-ля...»

Перезвон

«Я скажу тебе на ушко...»

Бесконечка

Дразнилка

«Что за грохот? Что за шум?...»

Цветные строчки

Прекрасная жаба

Созвездие Константы.

«Я болела, а девочка пела...»

«Звезда и зияние. Есть ли меж ними черта?...»

Созвездие Константы

Сон

Ответ

За рекою Гранде-флорес

«Вослед журавлиному клину...»

Сад

1. «Никакого таланта не надо...»

2. « И солнце, и весна, и бег теней...»
 - 3 «Сад звал меня. Махал руками...»
 4. Я - саду.
 5. Сад – мне.
- «Широкое дыхание полей...»
«Собачья речь...»
«Меня дорога долгая вела...»
«День рожденья. Конец листопада...»

Занятия лирикой.

Заклинание

Мотив. Эмили Дикинсон

«У лирики короткое дыханье...»

Коридор

- 1 «Коридор. Коридор. Коридор...»
 2. «У парикмахерши опять шуршат обои...»
 3. «...Царь Вселенной уставится пить...»
 4. «Почему же им так тяготятся...»
- «За чертой, за чертой он уже приготовил мне дом...»
«Что, училка-мучилка...»

Мотив. Гарсия Лорка

«Не ведая уклона...»

Ремонт в Самаре.

«Ветки берёзы сквозь вьюгу...»
«Цвет озими, зелёный до озноба...»
«А в городе – туман...»
«Декабрь в середине...»

Мотив. Джотто–Боттичелли

«Занятия лирикой...»
«Несмотря на войны и перевороты...»
«От странных строчек в стороне...»
«По ямам и ухабам волоча...»
«Облетевшие ветки такого нежнейшего цвета...»

Сонет

Мотив. Гобелен. 18 век.

«Есть движение плеч...»

Прощание с прощанием.

1. «Что творится в мире?...»
2. «На сквозном ночном бульваре...»

Банальный романс

«На все золотые просторы любви ...»
«По свежему снежку...»

Мотив. Иван Андреевич Крылов

«Дельфины с орехами...Идиотизм...»
«Судьба и осень. Безотрадно...»
«В Самаре падал снег. Земля была черна...»
«Может, жизни осталось на донышке...»

Балконы

Балкон – 1

Балкон -2

Балкон - 3

Молитва

Сухая осень

«Августеет. Трава высока и густа...»

Сухая осень

«В течение ночи есть пора...»

Жизнь при свечах

«На шёпот перейти...»

«Гулкий бор на горе, а внизу, вдоль по речке – осинник...»

«. . . Когда отрезал: «Мой мир – не твой!..»

Иней

1. «Старательный, подробный, нитяной...»

2. «Весь мир каймою белой обведёт...»

3. «За день растает – за ночь нарастёт...»

«Жаждут денег вселенских...»

«На завтрак, как всегда...»

«На морозном стекле...»

Старый Новый Год

«... И что-то там упало с возу...»

«На переломе февраля...»

«Весне давая старт ...»

В суете законченная сюита для оркестра, и не только

1. «У Ми-ми-ми-ми-Норы...»

2. «Ведь Бас – такая контра!..»

3. «Испуганный ма-Жора...»